

**КСЮША
ИВАНОВА**

КАВКАЗЕЦ
Он ненавидит меня, а я...

Ксюша Иванова Кавказец. Он ненавидит меня, а я...

<https://litres.ru/74212422>

Аннотация

Проходя мимо, она смотрит в мое лицо с таким выражением, словно вдруг узнаёт. Вырвав локоть у Адама, срывается ко мне. Неожиданно обнимает за талию и утыкается лицом в грудь. - Я вас видела... у отца! Это он вас попросил меня спасти? - поднимает глаза вверх. Смотрит умоляюще, так, словно я - последний человек на земле, который встанет на её защиту. Замерев, пытаюсь оценить степень этого бреда. -Спасибо вам! Спасибо! Папа... Он..., - снова начинает рыдать, размазывая по моей рубашке слезы и тушь. - Папы больше нет... Глупая баба! Ты так ничего и не поняла ещё? Как можно быть такой тупой? Отталкиваю её. Смотрит растерянно, ловя мой взгляд. -Я не понимаю... -Скоро поймешь, - бросаю ей, делая Адаму знак рукой, чтобы уводил. -Вы можете мне? - В подвал её... Иду в дом переодеваться - на рубашке остались пятна от её слез...

Содержание

1 глава. Жестокость и горе	4
2 глава. Уязвимое место	10
3 глава. Сестра	16
4 глава. Добыча	21
5 глава. Расклад	26
6 глава. "Утешение"	31
7 глава. Дурочка	36
8 глава	41
9 глава. Спасение?	47
10 глава	51
11 глава. Навстречу судьбе	56
12 глава. Сумбур в голове	61
13 глава. Свадьба	67
14 глава	72
15 глава	78
16 глава. В полиции	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

1 глава. Жестокость и горе

- Не надо уезжать, пожалуйста! Везите меня обратно! Дайте мне... - я не могу выдавить из себя "попрощаться с отцом"! Мне кажется, стоит только допустить самую мысль, что папа умер, и самое плохое обязательно случится.

Меня никто не слушает.

На меня никто не смотрит.

Два папиных охранника, которых я вижу впервые, сидят в нашей машине впереди. Мчатся, нарушая все мыслимые правила, увозя меня прочь от того места, где только что на моих глазах взорвалась папина машина!

И он был в ней в этот момент!

Закрываю глаза и плачу.

И там, под закрытыми веками, я вижу снова и снова, как будто эта картинка намертво засела в памяти. Папино лицо и он машет мне с пассажирского, пока его водитель паркуется возле здания, в котором находится офис нашей фирмы. Одной из наших фирм.

А потом громкий звук. Машину папы встряхивает. В разные стороны водопадом плещутся разбившиеся стекла. И потом, только потом машина начинает гореть! И его водитель! И папа! И папа внутри тоже!

И я бегу к машине. Его же нужно спасти! Открыть двери, чтобы вытащить!

Но меня перехватывают за талию чьи-то руки.

Я не понимаю, что мне говорят, куда тащат.

Прихожу в себя в тот момент, когда оказываюсь в этой машине.

-Кто вы? Отпустите меня к папе!

-Охрана Михаила Сергеевича. Нельзя к нему. Там всё.

Если охрана, почему не спасли его? Где были, когда... Не понимаю!

Снова начинаю плакать, закрывая лицо руками.

- Папочка! Папа!

-Заткнись! - неожиданно раздаётся с переднего сиденья. -

А ну-ка, прекратила выть! Дура.

Шокированно смотрю на тех, кого мой отец считал своей защитой, кому доверял.

Почему они так со мной? За что?

Я только сейчас понимаю, что мы едем вовсе не в сторону нашего дома. А наоборот, мчимся по дороге, ведущий из города.

-Куда вы меня везете? - к боли от случившегося примешивается страх.

Я вдруг понимаю, что, действительно, ни разу этих охранников у папы не видела. И странно, что они тёмные, бородастые - папина охрана всегда гладко выбрита и одета в одинаковые костюмы.

-Скоро узнаешь! Сиди молча и жди, - бросает один из них.

От их слов. А точнее, даже больше от тона, в котором нет

сочувствия и жалости, я немного прихожу в себя. Видимо, включается инстинкт самосохранения.

И я думаю.

Машина папы сама по себе взорваться не могла. Не могла, я уверена! Потому что так не бывает, чтобы так громко сама по себе!

И ведь не зря с недавних пор и я, и мама повсюду стали ходить с охраной.

А Олег, мой телохранитель, который повсюду ходил со мной, даже в институт, куда исчез. Я помню, что он точно на парковке вышел из нашей машины вместе со мной, а дальше...

А может быть... Может быть эти странные бородачи просто меня спасают? Может, у них с папой был план? И именно по нему меня сейчас везут в безопасное место к маме?

-А моя мама... Где она? - не могу я сидеть и ждать! Ну, как сидеть и ждать, если там, в городе осталась моя мамочка и брат! А Эрик? Где они?

Схватившись за водительское сиденье, пытаюсь взглянуть в лица этих мужчин, чтобы увидеть реакцию на свои вопросы. Потому что если с братом и мамой что-то случилось, то, наверное, по взглядам охранников я это пойму...

Тот, который сидит на переднем пассажирском сиденье вдруг поворачивается и наотмашь бьет меня ладонью по щеке.

Клацнув зубами, прикусываю язык и заваливаюсь назад

на сиденье.

Мне даже сначала не больно совсем.

Просто жутко становится от того, что я вдруг понимаю.

Это - не папина охрана.

Ни один папина охранник никогда не посмел бы меня ударить! Никогда. Потому что даже если папы... Даже если папы уже нет в живых, то есть еще Эрик! И он придет и спустит шкуру за меня любому.

И этим двоим спустит.

Когда найдет их!

И я должна им это сказать, чтобы не смели больше делать такое!

-Мой брат найдет и убьет вас! - кричу, глотая наполнившую рот кровь.

Переглянувшись, они начинают смеяться. Говорят что-то друг другу на смеси двух языков, из которой русских слов я улавливать всего несколько.

Щенок. Сдохнет. Тварь. Шавка. И много-много отрывистых и грубых слов на непонятном мне языке, которые звучат, как ругательства.

В голову приходит, что у меня в сумочке был телефон. И сейчас можно написать сообщение Эрику, чтобы он смог меня найти.

Шарю руками по сиденью рядом.

-Это ищешь? - тот, что сидит на пассажирском, показывает мне мою сумку.

Отворачиваюсь к окну.

Трогаю онемевшее лицо и горящую от боли разбитую губу. Больно.

Очень хочется держаться и не плакать при них, но слезы сами вскипают на глазах. И я не могу сдержать их и не позволить бежать по щекам.

Понимаю вдруг, что надо хотя бы дорогу запомнить. Чтобы потом убежать отсюда!

Сворачиваем в лес. И, проехав около километра, за последним рядом сосен вдруг выезжаем на улицу дорогих трёхэтажных коттеджей, спрятавшихся за высокими заборами и коваными воротами.

Останавливаемся у последнего, самого большого, сделанного из чёрного кирпича. По верху забора идет, как в фильмах про тюрьму, свернутая кругами колючая проволока.

Мой мозг лихорадочно отмечает это все.

Не знаю, откуда во мне такая уверенность, но я точно знаю, что должна запоминать всё, что вижу, что это мне еще пригодится.

Ворота открываются.

Машина заезжает туда.

Мои похитители (теперь я уже не думаю, что это - охрана) тут же выпрыгивают из машины, унося с собой мою сумку.

Я продолжаю сидеть, не зная, как поступить - идти следом или оставаться сидеть.

На огромном мраморном крыльце моих посетителей

встречают женщина и мужчина.

Похитители что-то говорят им.

Женщина, с головой укутанная в чёрные одежды, вскрикнув и заламывая руки, бежит в сторону машины.

- Nana, sasa! - кричит мужчина.

Женщина дергает дверь с моей стороны и со слезами кричит на ломаном русском:

-Тварь! Выходи! Я убью тебя!

Предупреждаю. В начале книги, возможно, вам покажется, что она немного не в моем стиле, слишком жестокая. Да, будет немного больно всем героям. Но откровенного насилия и принуждения к чему бы то ни было не будет, ну, разве что совсем немного...

2 глава. Уязвимое место

За два месяца до событий пролога.

-Ты, Москва, что-то путаешь, наверное. Северный - это наш район. Я там главный. И доходы со всех точек, со всего бизнеса, легального ли, нелегального, в этой точке принадлежат мне. У нас был уговор. Ты помнишь об уговоре?

Мой отец рубит правду-матку. Хотя так и не принято на таком высоком уровне, на котором сейчас происходит разговор.

Как принято?

Принято ходить вокруг да около, изъясняться туманно, с намеками. Потому что главы кланов - это их мозг и карающая длань, отдающая в кулуарах приказы. А крики, угрозы и приведение в исполнение - это дело других людей.

Но мой отец - человек вспыльчивый. И если его несёт, не может сдержаться в выражениях, независимо от того, кто является его собеседником.

А сейчас его несёт.

-Помню, Алихан, помню, - увещевающе говорит Москвин. - И я всегда соблюдаю данное мною слово.

-Всегда? Тогда потрудись объяснить, - выходит из себя отец. - Что твои люди делают на территории "Ориона"? Или скажешь, это не твои бойцы третий день стоят в оцеплении? Или не твои люди сейчас совершают рейдерский захват

предприятия?

У отца белеют губы от еле сдерживаемых эмоций. Будь его воля и... Конечно, будь человек, который так его разозлил другим, не Москвиным, отец, наверняка, уже достал бы пушку или приказал её достать Али, своему телохранителю.

Тем более, что Али и сейчас стоит за нашими спинами, и готов в мгновение ока выхватить оружие из кобуры.

Только за спиной Москвина тоже стоит охрана. И, я уверен, не менее подготовленная, чем наша.

Наши семьи во многом похожи. Во всяком случае, составом так точно. У отца двое детей - дочь и сын, и у Москвина тоже. Отец готовит себе приёмника в моем лице, Москвин тоже натаскивает своего отпрыска.

Но Москва-младший слишком молод, горяч, не сдержан и пока, видимо, не очень умеет держать себя в руках. Он яростно сверкает глазами. И мне сбоку видно, как сжимаются в кулаки пальцы его рук.

Не нравится ему, что с отцом разговаривают в таком тоне? Ну, так не надо брать чужое!

Зато его отец, старый опытный змей, и выдержка у него - дай Бог каждому!

-Алихан, - с любезной улыбкой говорит он. - Мне кажется, ты перегибаешь. В нашем деле кто умнее, тот победил заранее, ещё до каких бы то ни было действий! Часть пакета акций "Ориона" уже как год принадлежит мне. Я просто беру своё. Да, хочу поставить там свою охрану. Готов делиться

с тобой процентом с дохода. Но сам понимаешь, у меня и юридических, и физических прав сейчас больше, а значит, и процент будет превышать твой.

Щенок Москвина с торжеством в глазах смотрит прямо на меня.

Растягиваю губы в ленивой улыбке.

Не стоит радоваться победе до того, как она случилась. Мой отец в своем праве. И, вероятнее всего, именно его поддерживает тот, кого у нас в регионе зовут Хозяин.

А еще мой отец умеет бить прицельно и в нужный момент. И сделает это. Только ему нужно немного остыть. И выждать этот самый момент.

- Ты сейчас не прав, Москва! Ох, как не прав!

Но пока отец на взводе и нам стоило бы уйти. Ведь ясно уже, что договориться полюбовно не получится!

И я думаю о том, как бы его увести, потому что в таком состоянии отец никого не слушает.

В приемной Москвина раздается какой-то шум. Отдаленно доносятся испуганные вскрики его секретарши.

Али и охранник Москвы синхронно достают пушки.

Моя рука тоже ложится на кобуру. Я - хороший стрелок. Али сам меня учил с детства.

И я успеваю увидеть тень замешательства в глазах младшего Москвина. Что, Эрик, или как там тебя, пушка тебе еще по возрасту не положена? То-то же.

И будешь ты, как девчонка, прятаться за спину своего

охранника...

А он реально, как девчонка, выглядит. Смазливый.

Говорят, они с сестренкой одно лицо. Потому что двойняшки.

Но развить мысль и подумать о том, что можно было бы найти в соцсетях и просто из любопытства, ну, и чтобы знать в лицо своих врагов, посмотреть, как же все-таки выглядит девчонка Москвы, я не успеваю.

Дверь в кабинет Москвина распахивается. Причем удар оказывается так силен, что она с грохотом бьется о стену.

Невольно пригибаю голову, как учил Али. Потому что мозг помнит - там, в приемной осталось сидеть еще по одному охраннику с каждой из сторон! И если кто-то наглый все-таки сумел пробиться в кабинет, то этот кто-то либо отменный боец, либо...

Но на пороге стоит золотоволосое чудо.

- Папа! - звенит ее звонкий голос. - Ты же обещал! Ты знал, как для нас с мамой это важно! Как ты мог не прийти!

В это мгновение она, видимо, замечает, как охрана поспешно и скомканно прячет в кобуру оружие, и закрывает рот.

- Злата, дочка, у меня важная встреча. Эрик, уведи её, пожалуйста, отсюда. Домой отвези. Прямо сейчас.

Девчонка, к ее чести, видимо, все-таки догоняет, что приперлась невовремя.

Но не догоняет, что лучше было бы не пялиться на нас с

отцом, а просто уйти. Наоборот, с интересом пробегает глазами по каждому. Сначала по моему отцу. Потом мельком по Али. Потом задерживается на мне.

И даааа, я ощущаю это непередаваемое чувство, когда ты понимаешь, что ты интересен, что девка запала! И это, конечно, кайф, но...

Не мигая, смотрю ей в глаза и думаю о том, что жизнь все-таки несправедлива.

Красивых девок-то много, но самая красивая в городе, а может и в стране, почему-то родилась в семье Москвиных. И если заполучить любую я могу по щелчку пальцев, то взять себе эту хотя бы в качестве любовницы точно не получится. Отец точно яйца отстрелит. Слишком уж неоднозначна сейчас ситуация между нашими кланами.

И это несправедливо.

Она так хороша, что глаз не отвести!

Высокая, стройная. В платье, достигающем до колен. Огромные глазищи на пол лица. Губки бантиком. Длинные светлые волосы. Ну, в общем, все по высшему разряду.

Не осознаю, что откровенно пялюсь на нее, пока не получаю незаметный тычок в спину от Али.

Опускаю глаза.

Проклятая девчонка Москвина! Я даже забыл, где нахожусь!

Эрик, реально похожий на сестру, этакая себе мужская, более brutальная версия Златы, срывается с места и, подхва-

тив девчонку под локоть, вместе с нею выходит из кабинета.

- Уволю на хрен охрану и секретаршу заодно, - наигранно смеется Москвин. - Не могли объяснить девочке, что я занят!

По тону, по глазам, по каким-то скрытым ноткам в голосе, и мне и, судя по взгляду, отцу, становится ясно только одно. У Москвина есть уязвимое место.

И теперь мы точно знаем, где оно...

3 глава. Сестра

За неделю до событий пролога.

-Амир, приведи ко мне Самиру, - просит отец.

Мать дергается, чтобы первой выполнить его просьбу, но отец накрывает её руку своей ладонью, заставляя остаться за столом.

Встаю и иду за сестрой.

Я уже в курсе, что отец сейчас будет говорить матери. Поэтому именно я и должен идти. Маме нужно осознать весть.

Отец решил выдать Самиру замуж.

Да, он обещал не делать этого до того момента, пока сестра не закончит университет. Да, он обещал дать ей право выбора, хоть это и не было принято в нашей семье.

Но, к сожалению, отец вынужден отказаться от своих обещаний. И отдать Самиру тому, кто способен её сейчас защитить.

Почему?

Потому что война с кланом Москвина оказалась неожиданной для нас! Отец был уверен, что удастся решить всё мирным путём.

Но не удалось. Два дня назад в подъезде своего дома был застрелен компаньон и правая рука отца - Иса Велиханов. А Хозяин, тот, на чью поддержку мы рассчитывали, в помощи неожиданно отказал.

Москвин открыто выступил с заявлением о том, что им якобы был приобретён наш завод. Хотя, по сути, он украл его, заполучил в результате рейдерского захвата.

Поднимаюсь на второй этаж. Стучу в дверь сестры.

Она не отвечает.

-Самира, открой! - прошу, зная, что она может быть либо в ванной, где плохо слышно, либо в наушниках - отец не приветствует развратную музыку, но она все равно скрытно слушает, я это знаю. Хоть и говорит, что таким образом только английский учит. - Срочно.

Недавно охранник Самиры рассказал отцу, что сестра сбежала от него возле универа. Это было уже в третий раз за последний месяц. Сестра врала, что устала от надзора и просто ушла к подруге.

Но ей, конечно, никто не поверил.

К ней был приставлен человек, который очень скоро узнал, куда бегают Самира. Бегала она к этому... Сука! Тварь такая!

Проглатываю рвущиеся с губ ругательства.

Эрик Москвин соблазнил Самиру и чуть не увёл её из дома. Хорошо, что мы вовремя спохватились и смогли задержать.

Она, глупая, думает, что он влюблен в нее, а на самом деле ясно же, какие цели преследует это щенок!

-Самира! - стучу сильнее.

На второй этаж вслед за мной поднимается Адам - охран-

ник Самиры.

-Давно она там? - спрашиваю его.

-Да. Давно уже. Не выходит совсем. Не ест ничего. Ваш отец сказал утром, что выдаст её замуж. И вот она расстроилась.

Утром отец решил выдать замуж. А к вечеру уже нашел того, кто согласится её такую взять... И хоть невеста оказалась порченной, желающие нашлись.

Значит, она в курсе.

Плохое предчувствие давит в груди, заставляя ускоряться сердце.

Что там происходит?

Что-то не так!

Отступив на пару шагов, ударяю плечом в дверь.

Адам, ненадолго обалдев от происходящего, к следующему моему удару становится рядом.

Синхронно бьем плечами с разбега вдвоём.

На пятый удар замок ломается и дверь, сбивая приставленный к ручке стул с силой лупит по стене.

В комнате Самиры нет.

Смотрю в сторону окна. Если бы она вдруг каким-то чудом сбежала, выпрыгнув из окна третьего этажа, то вот перелезть забор, по верху которого закреплена колючая проволока, находящаяся под напряжением, нереально. А ворота всегда контролируют как минимум двое бойцов.

Адам показывает мне в сторону ванной.

Бегу туда, обгоняя его.

Адам остаётся в комнате. Потому что нельзя.

Так-то и мне нельзя, конечно, тоже. Но... Чувствую, что ситуация не та, чтобы церемониться!

Я привык доверять своей интуиции. До сих пор она меня не подводила.

Делаю знак Адаму, чтобы остался в комнате.

Эта дверь поддаётся легче - вылетает после второго моего удара.

Самира лежит в ванной, полной воды, откинувшись головой на специальную подушку. На ней надето красивое белое платье - лёгкое, домашнее. Видимо, она не хотела, чтобы тот, кто обнаружит, видел ее обнаженное тело.

Первое, что я отмечаю про себя, это то, что вода обычного цвета, в ней нет крови. А я уже успел представить себе самое страшное!

Второе... Второе о чем думают... Она абсолютно не отреагировала на грохот от выбитой мной двери!

В ужасе прикладываю пальцы к месту на её шее, где бьется пульс.

И в первое мгновение мне кажется, что пульса нет! Со-
всем нет!

Я едва терплю свою боль, рвущуюся наружу криком!

Сестренка! Самирка! Такая красивая, такая молодая...
Проказница... Любимица родителей... Зачем? Почему?

Но я сдерживаю себя - я должен держаться ради родите-

лей!

Но потом все-таки чувствую лёгкое биение её пульса!

-Адам! - ору. - Звони в скорую!

Осторожно вынимаю её из ванны и несу в комнату. Не ощущаю даже, как вода льется на пол и мочит мою одежду.

Слышу, как наверх, причитая и плача, поднимается мать и твёрдые тяжёлые шаги отца по коридору...

4 глава. Добыча

-Мы привезли её, Амир! - говорит Адам, кивая в сторону машины. - Еле успели. Москвина взорвали в его машине возле офиса. У девчонки на глазах.

Что?

От неожиданности моргаю, выходя из своего задумчивого состояния.

Кто мог это сделать? Я думал, после смерти отца, у меня больше не осталось таких всесильных друзей.

Впрочем, Москвин вполне мог перейти дорогу не только Темирхановым.

Мать, не дослушав Адама, срывается к машине. Бежит, проклиная по-чеченски весь род Москвиных, его лично, и эту девчонку.

Прошу её остановиться, но, кажется, она даже не слышит меня.

-Что делать, Амир?

Да, теперь этот вопрос задают мне. Как ещё недавно задавали отцу.

Когда-то в детстве я мечтал стать таким, как он. Отца уважали и даже немного боялись. Отец руководил большим количеством людей. Он умел принимать решения, умел зарабатывать, умел решать проблемы. Отец умел быть главным.

Отца больше нет.

И теперь все те, кто когда-то подчинялся ему, слушают меня. Я стал тем, кем был отец. Моя мечта сбылась.

Так почему же я не испытываю от этого ни радости, ни удовольствия?

Наоборот, тяжкий груз ответственности камнем давит на мои плечи, уже который день не давая вдохнуть.

-Мать отведите в дом. Эту... девку запереть в подвал. Никому к ней не входить.

Мать успевает добежать до машины и, открыв дверь, угрожает отродью Москвина.

Подскочивший к ней Али, подхватив под локоть и говоря что-то успокаивающе, уводит в дом мимо меня.

Я, конечно, мог бы это сделать и сам. Обнять мать, попытаться успокоить её, пожалеть в конце концов. И ещё месяц назад так бы и было. Еще месяц назад я был добрым сыном. Но сейчас...

Во мне словно что-то умерло. Что-то нормальное, что заставляло жалеть, сочувствовать, быть человеком.

И да, мать страдает больше меня. Но она - женщина, ей положено быть слабой.

Мне нельзя. Я должен отомстить. Так отомстить, чтобы род Москвиных больше не топтал эту землю. Но при этом чтобы рук моих не коснулась их кровь.

Зачем мне их кровь? Я не убийца. Я уничтожу их иначе. Всё отберу, заставлю по миру пойти, посажу в тюрьму. Что угодно!

Я знаю, что сделаю.

План готов.

И мне жаль, что Москва сдох до того, как я его воплотил в жизнь!

Мне жаль, что это не я взорвал его машину!

Но я не убийца.

Убеждаю себя в этом, хотя кто бы только знал, как я хочу им сейчас стать!

Но...

Чувствую, как мои губы раздвигаются в некое подобие улыбки.

Брат этой девки жив. И он ответит за всё, что произошло с моей семьёй.

Я почти равнодушно смотрю на то, как её достают из машины.

Смешно. Если бы я мог смеяться, то, наверное, хохотал бы сейчас.

Совсем недавно я думал, что она - самая красивая девушка, которую я видел в своей жизни!

Сейчас она растрепана, лицо опухло и покраснелось от слез, под глазами размазана тушь.

-Иди вперёд! - командует ей Адам, указывая в сторону небольшого домика, стоящего за линией гаражей.

В нём ещё при моем деде для содержания тех, кого нужно было наказать, был оборудован подвал.

При отце в нём ни разу, на моей памяти, никто не сидел.

Отец, видимо, был слишком мягким человеком. Хотя и не производил такого впечатления.

За это и поплатился.

Я таким не буду.

Проходя мимо она смотрит в мое лицо с таким выражением, словно вдруг узнаёт.

Вырвав локоть у Адама, срывается в мою сторону.

Неожиданно с разбега обнимает меня за талию и утыкается лицом в грудь.

-Я вас видела... у отца! Это он вас просил меня спасти? - поднимает глаза вверх.

Смотрит умоляюще, так, словно я - последний человек на земле.

Замерев, пытаюсь оценить степень этого бреда.

-Спасибо вам! Спасибо! Папа... Он..., - снова начинает рыдать, размазывая по моей рубашке слезы и тушь. - Папы больше нет...

Глупая баба! Ты так ничего и не поняла ещё? Как можно быть такой тупой?

Отталкиваю её.

Смотрит растерянно, ловя мой взгляд.

-Я не понимаю...

-Скоро поймешь, - бросаю ей, делая Адаму знак рукой, чтобы уводил.

-Вы поможете мне?

Не отвечаю. Иду в дом переодеваться - на рубашке пятна.

А потом, зову водителя и охрану и уезжаю.

Мне ещё Москина-младшего по городу ловить.

Да и отцовские дела теперь все на мне. А, надо сказать, партнеры отца, словно почуяв слабость нашей семьи сейчас, рвут бизнес со всех сторон. Кто-то отказывается исполнять свои обязательства, кто-то требует привилегий, кто-то просто ждет, чтобы исподтишка напасть и добить.

Но я им этого не позволю.

-Куда едем, Амир Алиханович? - спрашивает водитель.

-Сначала в больницу к Самире, потом в офис, - командуя я...

5 глава. Расклад

Сижу на стуле в подвале.

Смотрю на девчонку.

Пью.

Отец считал алкоголь слабостью и не пил совсем.

Ну, значит я сейчас слаб.

Это противоречит моим стремлениям, моим желаниям, но в этот момент я не могу иначе...

Коньяк помогает мне стереть из мозга некоторые особо въедливые картинки. Например, ту, которую сегодня я видел в больнице у Самиры.

А мне надо стереть это. Иначе я за себя на отвечаю.

Самира в глубокой коме. Её мозг постепенно умирает, хотя остальные органы пока работают, как положено.

А внешне, если вычеркнуть капельницы и всякие трубки, она всё такая же - красивая и молодая. Ну, разве что бледная очень.

А у этой вон - на щеках румянец! И спит себе спокойно в подвале на продавленном старом матрасе!

То ли не боится ничего, то ли глупа настолько, что до сих пор думает, будто её сюда привезли, чтобы спасти. Хотя ведь, по сути, я её спас. Вполне могли прибить следом за отцом. Так что должна быть мне благодарна.

Адам сказал, что она тут шумела - билась в дверь и орала.

Посередине подвала лежат останки второго ранее стоявшего здесь стула. Видимо, билась в двери она именно им.

Делаю глоток из бутылки.

Задохнувшись от крепости, с трудом шумно выдыхаю.

Наконец, просыпается.

Сначала вздрагивают длинные пушистые ресницы. Потом дернувшись всем телом и подскочив со своего места, садится, упираясь спиной в стену.

Подтянув колени к груди, обнимает их.

Что я здесь делаю?

Зачем пришёл?

Чтобы объявить ей своё решение о её дальнейшей судьбе?

Усмехаюсь. Это было вовсе не обязательно делать именно мне и уж тем более именно сейчас!

Наверное, моя усмешка выглядит не очень дружелюбно. Потому что в её глазах появляется страх.

-Зачем вы меня сюда привезли? - дрогнувшим голосом спрашивает она.

-Можешь считать, что спасли тебе жизнь, - усмехаюсь я.

-И заперли в подвале? - дергает бровью.

-А ты бы хотела в апартаментах? Так их ещё надо заслужить.

-Дайте позвонить брату! Он меня заберет.

-Нет.

Морщась, глотаю обжигающую жидкость.

-Я заявлю в полицию на то, что вы меня выкрали и неза-

конно удерживали без согласия.

-Заявляй, - равнодушно пожимаю плечами. - Можешь прямо сейчас.

-Что вы хотите со мной сделать?

-Вот, - выдавливаю из себя некое подобие улыбки - все, на что я сейчас способен. - С этого вопроса и начал бы любой нормальный человек.

-Я - нормальный человек! - возражает дрожащим голосом.

-Была бы нормальная, не нарывалась бы. Ты сейчас в моей власти. Веди себя спокойно и будешь жива.

-Так чего вам от меня надо?

-Выйдешь за меня замуж. Потом получишь наследство от отца. Я знаю, он всё разделил поровну между тобой и братом. И подаришь мне свою половину.

-Что? - ахает она.

На лице у неё появляется презрительное выражение. Как будто она смотрит на меня и думает: "Замуж? За такое уе..ще, как ты? Да пошел ты!"

И пусть я не могу себе представить, как эти розовые губки произносят подобную дичь, я уверен, что-то подобное наверняка сидит сейчас в её голове.

И её взгляд, который бесстрашно направлен в мои глаза, он раздражает меня, выводит из себя, заставляет буквально звереть внутри!

Наши девушки так не смотрят. Наши девушки так не чувствуют по отношению к мужчине! Могут бояться, да, но все-

гда уважать. А здесь - презрение, словно я - низшее существо.

-Глаза опустила, - рычу я, сжимая руки в кулаки. - Иначе я...

-Да зачем вам это? Ну, попросите у моего брата денег! Он вам за меня, много даст! Что угодно даст! Но жениться-то на мне зачем?

Затем, что во-первых, я, конечно, могу забрать все силой. Но тогда в деловом мире во многие двери мне будет ход закрыт.

А во-вторых, Хозяин, под которым ходим и мы, и люди Москвы, может усомниться в частности моих притязаний на всё его имущество, и пожелать выделить часть из него его сыну. А так - всё по закону. Не подкопаешься.

А уж оставить белобрысого щенка Москвы без штанов при таком раскладе я смогу запросто.

-Затем, что мне надо всё, что было у твоего отца. И ты. Чтобы до конца своих дней платила за ошибки своих родственников!

-Совсем уже, да? - вскакивает с кровати, яростно сверкая глазами. - Какое право имеете?

Встаю тоже.

Не отрывая взгляда от неё, иду в её сторону.

-Я отучу тебя в таком тоне разговаривать с мужчиной.

Отступает назад, очень скоро упираясь спиной в стену.

Ярость во взгляде быстро меняется на страх.

А потом, когда мне до неё остаётся всего пара шагов, так вообще опускает в пол свои бесстыжие глаза. Вот так уже лучше.

-Отпустите меня, пожалуйста...

Какова сучка! Только что мне тут права качала! А теперь вон - гляньте на неё! Умоляет нежным голоском! Ведьма в ангельском обличье! Но меня ей не обмануть.

-Отпущу.

Становлюсь вплотную, ощущая её запах и видя, как бешено бьется на тонкой шее голубая венка. Упираюсь рукой в стену над её головой.

-Но сначала сделаешь то, что я сказал...

6 глава. "Утешение"

У него шрам на брови. Который придает лицу злое выражение.

И практически чёрные глаза, которые впиваются в мои. Кажется, человек просто не моргает. Смотрит, как удав на свою жертву.

Замуж за него? Совсем уже! Да с какой стати? Чтобы он "законным путем" завладел моим наследством? Хорошо законный путь! Отец бы за такое просто размазал этого...

Но отца больше нет.

Только разве это значит, что меня некому защитить? Нет! У меня есть брат, и...

-У меня жених есть! - дергаю вверх подбородком. Хороший парень из обеспеченной семьи. Между прочим, учится на дипломата. - И мы помолвлены.

Демонстрирую ему кольцо, надетое Денисом неделю назад мне на палец.

Мы с ним были давно знакомы - наши семьи дружили. И лет с десяти, наверное, в шутку нас называли женихом и невестой.

А вот около месяца назад отец заговорил о свадьбе. И родители Дениса поддержали.

Такая неожиданная скорость объяснялась тем, что якобы Денису нужно уезжать на стажировку в Японию, и я смогу

поехать с ним.

Я была счастлива. Денис мне с детства нравился. А еще мне очень хотелось путешествовать, посмотреть мир, и, главное, сделать это с ним - моей первой любовью...

Мысли о моей прошлой жизни, которая была у меня вот еще буквально несколько часов назад, заставляют слезы выступить на глазах.

Смотрю в глаза этому человеку, наивно рассчитывая вызвать у него нормальные человеческие эмоции - жалость, сочувствие, например.

Ведь, ну, не может же человек искренне рассчитывать на то, что совершенно чужая девушка захочет выходить за него замуж.

- Ты еще и не чиста? - внезапно странным образом трактует он мое признание о помолвке.

- А это тебя вообще не должно интересовать! - говорю я. Как можно о таком спрашивать? - Это не твоё дело!

- Ах, ну, если так, то почему бы и со мной не переспать? Сейчас.

Его рука хватается меня за затылок и тянет голову к его лицу!

- У меня отец умер! - пытаюсь воззвать к чему-то человеческому в нем.

Но, по всей видимости, этого "человеческого" там нет ни на грош!

- Ну, вот я тебя и утешу! - твердые губы нагло впиваются

в мой рот. Отталкиваю его в грудь. Но он даже на сантиметр не отступает!

Крепко сжимаю челюсти, не позволяя его языку проникнуть в мой рот. Кручу головой из стороны в сторону, хныча.

Второй рукой берет меня за лицо, нажимает пальцами на челюсти с двух сторон. Так делал Эрик нашему псу, когда у того в горле застряла украденная на кухне кость! Мои челюсти, как я ни пытаюсь удержаться, раскрываются.

И он засовывает в мой рот свой язык! Так глубоко и так мерзко это делает, что я закашливаюсь.

Денис целовал меня не так. Ласково и осторожно, прислушиваясь к моей реакции.

И я испытывала к нему нежность. И любовь.

Денис заранее спрашивал разрешения. И я потом еще долго вспоминала, как трогательно звучало его "Можно я тебя поцелую?"

А это чудовище ни о чем не спрашивает! Просто шурует у меня во рту своим языком! И вкус у него отвратительный - вкус крепкого спиртного с соответствующим запахом!

Это он называет "утешение"? Бессовестный человек!

Эрик когда-то показывал мне всякие приёмчики, чтобы спастись, если на меня нападут. Я о них не вспоминала долгие годы абсолютно! Но вот сейчас неожиданно в памяти возникает, что если каблуком ударить изо всех сил по ноге, то даже через обувь человеку будет очень больно.

Жаль, что у меня не шпильки. Но какой-никакой каблук

все-таки на туфлях имеется!

Надо неожиданно это сделать!

Заставляю себя расслабиться, прекратив попытки увернуться или закрыть рот. Делаю это для того, чтобы он подумал, будто мне нравится!

Он с гортанным стоном вцепляется в мои губы еще сильнее. Втягивает их по очереди своими губами. Посасывает.

Это так странно.

Нет, я, конечно, не ханжа и всякое видела в интернете, но никогда особо не рассматривала там поцелуи. И, к счастью, ТАК ни с кем раньше целоваться не приходилось! Разве ТАК целуются вообще?

По всей видимости он чувствует, что я прекратила сопротивляться, потому что руки, удерживающие меня, начинают медленный путь вниз. Пальцы оглаживают шею, плечи и внезапно касаются груди!

Меня словно молнией пронзает от такого прикосновения! Потому что никто и никогда так не делал...

Сжимает, шумно втягивая ноздрями воздух.

Неожиданно затвердевший сосок болезненно трется о ткань бюстгальтера...

Надеюсь, он достаточно отвлекся?

Резко поднимаю вверх ногу, собираясь каблуком ударить по его ступне, как учил брат. Но получается так, что я сначала бью ему между ног коленом!

До того как с диким криком он отскакивает в сторону,

успеваю понять, что там, у него в паху, было что-то очень твердое.

Нетрудно догадаться, что именно!

И я ударила именно по этой выпуклости!

Получилось даже лучше, чем я рассчитывала!

С диким хохотом, который рвется из меня напополам со слезами, отбегаю подальше. И смотрю на него, согнувшегося в три погибели и держащегося руками за причинное место. И хохочу.

Ровно до того момента, пока, распрямляясь, он не говорит:

- Пиздец тебе, сучка...

7 глава. Дурочка

Папа сказал бы, что я творю дичь. Он часто так говорил...

Но да! Я смеюсь, как дурочка, отскочив подальше от удаленного мною мужчины.

И так как я не знаю его имени, мысленно решаю звать про себя "жених". Он же объявил, что женится? Ну, и вот...

Мой нервный смех стихает сам собой ровно в тот момент, когда "жених" распрямляется.

Я, конечно, понимаю, что это со мной нервное - нелогичные, неправильные реакции из-за стресса. Нормальный человек, в обычном своём состоянии в такую вот минуту смеяться точно не станет.

В институте мы это проходили. Правда, нас пока не учили, как с этим бороться...

Теперь мои растрепанные эмоции меняются кардинально, сделав очередной кульбит и по спирали вернувшись снова к страху.

Прячусь за спинку кровати. Хотя, конечно, спрятаться здесь, в маленьком помещении без мебели, просто негде.

Медленно идет на меня.

В жёлтом свете единственной лампочки под потолком не понять, что у него там, на лице, написано. Но я и так знаю - сейчас мне будет плохо!

-Нет-нет-нет! - съезжаю спиной вниз по стене. Выставляю

вперёд руки, стараясь защитить лицо. Мне кажется, если он меня сейчас ударит, то сделает это именно по лицу!

Но удара не случается.

Некоторое время так и сижу, зажмурившись и втянув голову в плечи.

А когда открываю один глаз, чтобы посмотреть, почему он остановился, вижу, как, повернув голову в сторону входа, жених прислушивается к чему-то.

Пытаюсь услышать тоже хотя бы что-то.

Может, там уже меня спасти приехали?

Действительно, там, за дверью, во дворе, слышны голоса. Причем что-то такое, похожее на панику, как будто люди бегают и кричат.

И я снова не могу сдержаться! Такое ощущение, что внутри меня сидит кто-то, напроць лишённый чувства самосохранения, и он просто вот толкает меня на необдуманные слова и поступки.

-Это мой брат за мной приехал. Сейчас меня заберет, а тебя накажет. Пристрелит тебя! Будешь знать! - звучит глупо и по-детски, но просто я говорю то, что первое приходит на ум!

-Ты сиди здесь и не высовывайся. Поняла?

Передумав меня убивать, разворачивается и идет к выходу.

Подхватившись с пола, на цыпочках бегу за ним.

Сердце колотится в груди, как сумасшедшее! И страшно,

и топит адреналином от собственной смелости!

Поднявшись на три ступеньки, он открывает дверь.

В это мгновение, рядом с этим подвалом, на улице, кто-то очень громко кричит. А потом раздаётся страшный грохот.

Тоже рядом.

Настолько близко, что меня им оглушает!

Инстинктивно, видимо, я, как совсем недавно при взрыве отцовской машины, падаю на земляной пол подвала.

А потом мне слышится, как что-то тяжёлое летит вниз по ступенькам!

Дверь захлопывается.

Рядом на пол со ступенек падает чье-то тело.

На коленях быстро-быстро отползаю подальше. Затаившись сбоку от кровати, сижу на земляном полу.

Мне суеверно не хочется смотреть на того, кто упал сюда, ко мне! Потому что думается по-детски, что пока я его не вижу, он также не видит меня.

А пока он меня не видит, никакого вреда не причинит - очевидно же!

Но потом с его стороны раздаётся тихий стон.

И я понимаю, что он вовсе не оступился и не просто упал. Этот грохот был выстрелом! По всей видимости, он был направлен именно в этого человека! Поэтому он и упал!

Поднимаю голову. Смотрю.

Да, свет здесь не яркий, но не узнать того же самого гада, который только что меня тут мучил, я не могу! Это точно он!

Долго сижу на своём месте, не решаясь подойти.

Потому что... Нет, я понимаю, что вот человек. Лежит. Ему, вероятно, нужна помощь.

Но этот человек - нехороший человек, и может быть просто получил по заслугам!

И, может быть, мне нужно потихоньку обойти его, выбраться наружу и самой найти там Эрика?

Потому что... Ну, это Эрик за мной пришёл! Больше никому!

Страшно поверить в то, что Эрику и папиным охранникам, которые наверняка помогают брату сейчас, пришлось стрелять в человека! Но после того, как папу взорвали, всё возможно!

Осторожно, стараясь не издать ни звука, вдоль стены иду к лестнице. Настороженно слежу за ним, лежащим вниз лицом на полу.

Параллельно стараюсь прислушиваться к тому, что происходит там, наверху.

Чтобы попасть на лестницу, нужно перешагнуть через его ноги.

И вот когда я заносу ногу, он неожиданно громко и болезненно стонет!

Становлюсь на первую ступеньку.

"Давай, Злата! Беги отсюда!" - командую себе мысленно.

Но... Вдруг он умрет?

Не то, чтобы мне было жалко гада! Нет, но...

Человек же.

Злата, возможно, именно он убил твоего отца!

А если нет?

Он угрожал тебе! Засунул в подвал! Он мучил тебя! И хотел ударить! Точно хотел, ты сама это чувствовала!

Но... Ударила его я, на самом деле.

Чувствуя себя полной и окончательной дурой, я спускаюсь вниз и становлюсь перед ним на колени.

Тормошу за плечо:

-Эй, эй, как там тебя! Ты живой?....

8 глава

-Эй, ты, как там тебя, ты живой? - он лежит вниз лицом. И, естественно, не отвечает.

Что делать?

А на первом курсе нам вообще-то рассказывали о том, как оказывать первую помощь.

Но ведь ты, Златочка, была уверена, что уж это-то тебе точно не пригодится в жизни! А потому и не слушала особо. Зачет получила автоматом, сделав курсовик на тему переломов.

С опаской тормошу за плечо.

Ну, вроде стонал же? Значит живой!

Так. Пульс же можно проверить.

В кино я видела, как это делают, трогая шею. Но... Трогать его мне совсем не хочется! Только надо же знать. Если живой, то... Не знаю, что!

А если вдруг нет, то тогда мне побыстрее нужно бежать отсюда!

Решившись, протягиваю два пальца и прикладываю их к его шее.

Холодые пальцы ощущают горячую кожу. И не ощущают никакого пульса.

Смещаю ниже.

-Ни-че-го... Так.

Может, на руке? На запястье же пульс можно нащупать!

Стоп! Если его перевернуть, то можно просто послушать сердце!

Берусь за плечо, пытаюсь перевернуть.

-Тяжеленный какой!

Не получается. Сил не хватает. Он весит тонну не меньше!

Упираюсь изо всех сил. С трудом переворачиваю все-таки.

У него разбита бровь - кровь сочится из раны, заливая лицо. Видимо, повредил, когда падал.

Раздвигаю полы куртки и вижу, что на плече тоже кровь! Справа. Кажется, мои ноздри заполняются этим запахом. И я другие напрочь перестаю ощущать. Даже запаха его парфюма не чувствую, как раньше.

Его застрелили.

Ужас какой! Столько смертей в один день моей жизни.

От этой мысли я вдруг неожиданно беру себя в руки.

Это УЖЕ случилось. Нужно принять. И убедиться.

Спокойно отодвигаю куртку справа. И, придерживая растрепанные волосы - резинку потеряла где-то давно - ложусь ухом в район его сердца.

Сердце стучит!

И в первую секунду я даже невольно радуюсь тому, что он живой. Хотя ведь не заслужил, гад! Не заслужил!

Так, ладно. Он пока жив.

Дальше-то что?

-Отец, - неожиданно шепчет он едва слышно, не открывая глаз. - Отец...

Хмурится. И от этого кровь ещё сильнее течёт из раны на брови.

Так, Злата, собралась.

Что делать?

Позвать на помощь? А если там не люди Эрика? Вдруг меня вот так же возьмут и застрелят? Неужели Эрик стал бы убивать? Не поговорив, не разобравшись?

Здесь меня хотя бы не грозились убить... Ну, кроме той женщины у машины...

А если люди Эрика? Если ищут меня? Не знают, где я? И гибнут из-за того, что не могут найти.

И я почти готова уйти.

Но вдруг обращаю внимание, насколько бледной стала кожа его лица, особенно вокруг рта. И насколько бескровными стали губы.

От потери крови быстро наступает смерть.

Решительно отрываю весь низ своей длинной футболки, оголив живот. Делаю из ткани несколько длинных полос, неровных, но тем не менее напоминающих бинты.

-Эй ты... Хм... Молодой человек! - тормошу за плечо, потом решаюсь и легонько ударяю ладонью по лицу. Вздвогнув, сначала стонет, потом только открывает глаза. - О! Ну, вот и хорошо.

-Ты! Что ты... со мной сделала?

Ну, вот вам и здрасьте! Вот ты дура, Златочка! Гласит же народная мудрость, что не делай добра, не получишь и зла.

-Слушай, я тебя перевязать хочу. У тебя ранение.

Поднимает руку, трогает свою грудь. Видимо, ему больно от прикосновения, а может, он просто позорно боится крови, потому что я вижу, как у него снова начинают закатываться глаза.

Опять, только уже более уверенно луплю ему по щеке.

-Ты что... Делаешь! - возмущается, отворачивая лицо от меня.

-Так, садимся, давай! Иначе истечешь кровью и умрешь!

Тяну за руку, пачкаясь в его крови.

Кое-как усаживаю его.

-Надо встать и пойти на кровать.

-Помоги мне.

-Я именно это и делаю, - сам встать он сразу не может. Пытается, но снова оседает на землю. Надрываясь, тяну за левую руку. - Вот за что мне это всё?

-За то, что ты - дочка Москвина? - вопросом на вопрос отвечает он.

А это здесь при чем!

-Если мой отец и виноват в чем-то перед тобой, то я за его грехи не ответчица! Да и он погиб! А значит, расплатился по своим долгам.

Доползаем в полусогнутом состоянии до кровати. Он, видимо, немного приходит в себя. Даже помогает мне снять с

себя куртку.

И при этом вполне логично размышляет, потому что даже практически при смерти продолжает гнуть свою линию.

-А кто же тогда... отвечает... за грехи родителей, если не дети, м? - говорит с трудом, прерывисто, но всё равно стоит на своём. Упрямец! Осел упёртый!

-Как футболку снять? - теряюсь я. - Или сверху неё обвязать?

-У меня в кармане куртки... есть нож.

Быстро нахожу небольшой складной нож.

Подношу нож к краю его футболки на животе.

Страшно!

Мне страшно увидеть там рану! Все-таки раньше такого мне не приходилось видеть... Вот и торможения, оттягивая момент.

Зачем-то смотрю в его лицо. Встречаемся взглядами.

-У тебя сейчас есть шанс избавиться от меня... - хрипит он, искривляя губы в некоем подобии улыбки, больше похожей на оскал.

В смысле?

Показывает глазами на нож.

Сумасшедший!

Придерживая край футболки, рассекаю её острым ножом.

-Нет уж, у тебя врагов и без меня много, как я вижу. Я дождусь, когда это сделает кто-то другой...

9 глава. Спасение?

-Короче, слушай, - голова болит, но начинает соображать.

- Надо дверь запереть изнутри.

-Сначала я тебя перевяжу, - естественно возражает она.

Но, похоже, не понимает, как перевязывать рану именно на груди. Потому что в растерянности смотрит на неё, беспрестанно сматывая и разматывая тряпку, только отдалённо похожую на бинт.

Кровит не так уж и сильно - пуля так и осталась в ране.

-Сначала иди и закрой нас, - цежу сквозь зубы.

-Там за мной пришли, да? - психует она. - Ты боишься, что меня заберут?

Глупая. Если бы пришли за тобой. Если бы это за тобой ТАК резво пришли, мне проще было бы тебя отдать, чем схватить пулю. Я ж не самоубийца!

Да только мне никто предложений не внёс.

Там другие люди. Не имеющие отношения к этой девчонке.

-Твой братец - слабак. И у него... нет сейчас ресурсов, чтобы воевать. Ему хотя бы... после смерти отца защититься самому, - говорить тяжело, но безопасность наша сейчас важнее моих трудностей.

И мне нужно убедить её слушаться во что бы то ни стало, иначе не факт, что мои люди устоят. А если не выдержат, не

смогут защитить дом, то велика вероятность, что враг будет искать среди убитых именно меня.

Во дворе ещё слышна стрельба. Значит, ничего не закончилось. С таким ранением, от меня там толку не будет - это ясно.

Нужно отсидеться.

И нет, защелка на двери их не остановит. Но хотя бы даст мне время. И пусть мизерный, но шанс.

-Эрик придет за мной, - талдычит своё, пряча от меня глаза.

Но, видимо, поняв, что я прав, все-таки встает и идет к лестнице.

-И не вздумай выходить наружу. Не хочу потом сдирать со стен... твои мозги.

Что-то рассерженное бормочет себе под нос.

Позволяю себе на мгновение закрыть глаза, собираясь с силами.

Плечо болит дико. И кажется, болит всё тело - видимо, падая, я неплохо приложился.

Запирает дверь.

Спускается.

-Короче, вот так, - провожу ей рукой диагональ через здоровое плечо. - Так попробуй. Только свяжи свои тряпки. И из моей футболки сделай что-то типа... Подушки. Её приложишь к ране, своей верёвкой обвяжешь.

Послушно и, главное, молча, делает то, что я сказал.

И вот ведь странные вещи! Чтобы терпеть и не отключиться ненароком, мне достаточно просто смотреть на неё.

И понимать, что растрепанная и испачканная, расстроенная, заплаканная, она все равно красивая...

А еще она пришла мне на помощь. Зачем-то.

Нет, ей все равно пришлось бы помогать. Я бы заставил. Но удивительно, что пришла сама!

-Зачем ты моего отца убил? - говорит как бы между делом, вскользь. Хотя ясно ведь, что это - самый важный вопрос для неё.

-Я его не убивал, - естественно, отвечаю я.

-А кто тогда?

Прикосновение к ране, когда она обматывает меня своим бинтом, заставляет сцепить зубы. В глазах темнеет.

-Отвечай!

Ненормальная! Неужели не ясно, что я не то, что говорить, думать сейчас не в состоянии!

-Скорее всего... Это те же... Кто сейчас там, - киваю в сторону выхода.

-Ну, конечно! - кое-как завязав узлом, не отходит, а наоборот всматривается в мои глаза. - Так я тебе и поверила.

И я зачем-то ведушь!

По-хорошему нужно просто проигнорировать её, лечь, и постараться сберечь силы, пока за нами не придут мои ребята, но что-то толкает меня отвечать ей! И на просто отвечать, а именно сопротивляться! Возражать.

-Мне без разницы, веришь ты или нет. Просто постарайся хоть немного подумать своей головой!

Неподалёку от двери слышатся голоса.

Мужские и женский.

Несмотря на то, что подвал глубокий, а дверь массивная, я узнаю голос матери.

Она причитает по-чеченски.

Дом захвачен? Её ведут убивать?

Почему не сразу застрелили? Как меня?

Со мной даже разбираться не стали - кто, что.

-Сынок! Амир! - кричит она по-русски.

Или её заставляют, зная, что где бы я ни был, выйду на зов матери?

-Сыночек!

Или все-таки мои смогли отбиться?

Собрав все силы в кулак, встаю.

Покачиваясь, иду к лестнице.

Бросается наперерез.

- Не ходи! Убьют!

В глазах испуг, как будто я ей не чужой, как будто боится за меня.

- Спрячься пока. Если что, я позову, - командую ей.

С трудом, загибаясь от боли, медленно переставляя ноги и держась за стену здоровой рукой, поднимаюсь по ступенькам вверх. Открываю...

10 глава

Уж не знаю, радоваться мне или огорчаться.

Да, мы спасены.

Нет, там, во дворе были люди не моего Эрика!

Во всяком случае никого из папиных охранников из тех, кого собирают ранеными и избитыми по двору по приказу этого гада, я не узнаю. А может быть, мой шок от увиденного настолько силен, что я просто не могу никого узнать?

Так и называю его мысленно Гадом. Мне кажется, это имечко как раз про него, по его заслугам.

И каков притворщик!

Вот только что он еле ноги передвигал там, в подвале. А теперь - командует, стоя, как изваяние, посередине двора!

Сначала, выходя из подвала, я наивно думала, что здесь всем сейчас будет не до меня, и я в какой-то прекрасный момент просто потихоньку сбегу. И никто не заметит.

Но... гад поручает меня своей матери!

Наверное, было бы лучше, если бы моим надсмотрщиком был назначен любой из его мужиков. Кто угодно, только не эта злобная мегера!

-Иди быстрее, неповоротливая клуша! - вперемешку с непонятными словами на каком-то грубом, некрасивом языке, прикрикивает она. - Вырядилась, как атта гиллакх долу зуда! Проститутка!

Показывает на мой голый живот.

-Я, между прочим, сына вашего спасала, всю свою одежду на бинты порвала. А вы "проститутка"! Как не стыдно! Взрослая женщина, тоже мне!

Она запинаясь на мгновение, смотрит на меня так, словно в её присутствии неожиданно заговорила золотая рыбка.

Но потом приходит в себя и разряжается сначала долгой тирадой на своём языке, потом, видимо, дублирует для меня. Чтобы, значит, я не осталась в неведении о том, что я - злобная девка, ужиха, которой место в лесу, и много ещё кто.

Заводит меня в дом.

Ну, что же? Всяко лучше, чем в подвале.

Осматриваюсь.

Отсюда, как ни крути, сбежать все равно будет проще!

Уже ночь.

И я странным образом чувствую дикое желание спать! Хотя ведь, если подумать, в такой ситуации организм должен, наверное, включить какие-то свои скрытые резервы. Но нет. Мне так сильно не везёт.

-Иди в ванную! - показывает на одну из дверей рядом с кухней. - Я сейчас нормальную одежду дам.

Уходит за одеждой, причитая без остановки.

Она вся в чёрном. Но на старуху не похожа - наоборот, высокая, статная, с горделивой осанкой.

Смотрю вслед. Что же мой отец сделал им такого, что они так нас всех ненавидят?

В ванной нет замка.

В растерянности кручу металлическую защелку на ручке. Но она легко проворачивается вокруг своей оси и не запирает дверь! Такой богатый дом, а двери не запираются!

Как здесь мыться?

С обратной стороны ручку дергают.

-Вот. Вещи, - швыряет мне руки кучу всего. Что-то успеваю по инерции ухватить, что-то падает на пол к ногам. Мойся, переодевайся и побыстрее! Сейчас врач приедет.

Абсолютно не думая над её словами, мою руки и умываюсь, смывая с себя кровь гада.

Пораженно разглядываю выданную мне одежду.

Ну, ладно - трусы и маечка, похожая на спортивный топик, хорошо. Допустим.

Но длинное платье-то мне зачем? И тем более платок или как это называется? Кручу в руках, не понимая даже, как они это надевают.

Я им не мусульманка! И не собираюсь вот это вот все напяливать на себя! Да и сбегать в платье явно будет менее удобно, чем в моих джинсах.

Не притронувшись к вещам, выхожу в том, в чем была.

-Тебе что сказали сделать? - кричит его мать из кухни. Добавляет на своём языке явно непечанные выражения - настолько грубо они звучат. - Женщина в штанах в моем доме! Позор какой! Не бывать этому!

-Я ЭТО не надену! С какой стати? - не собираюсь сдавать-

ся я.

-Ах, не наденешь?! - с воплем, размахивая в руках полотенцем, несется в мою сторону.

Замахивается.

-Только попробуй! - смотрю ей в глаза.

-Что? Ах, ты, - едва опустив тряпку, замахивается снова.

Входная дверь открывается.

В дом входят люди. Впереди всех гад. Затем, видимо, врач - он несёт в руках белый чемоданчик с красным крестом.

-Мама, что здесь происходит? - спрашивает гад.

Она опускает занесенную руку, так и не ударив.

-Она не стала одеваться!

Стою в ужасе. Да что они все тут себе позволяют?

-Выведите на крыльцо. Покажите ей, - говорит гад.

Уже знакомый мне Адам подходит и хватает меня за руку, чуть выше локтя.

Что они хотят мне показать? Что там?

Иду - выбора у меня все равно нет.

Во дворе уже чисто. Как будто и не было раненых. Как будто они просто испарились в воздухе!

С высокого крыльца видно, как двое бородатых вносят во двор носилки. А на них лежит кто-то...

Уже темно, и мне, конечно, толком не разглядеть! Но... Этот кто-то имеет светлые волосы. Очень похожие на волосы моего брата! На чёрных носилках они выделяются ярким пятном!

-Эрик! - кричу я, дергаясь из рук Адама. - Вы убили его?!
Сволочи!

Дергаюсь, но он держит крепко и не позволяет!

Не обращая на меня внимание, брата приносят мимо в сторону того же самого подвала, где только недавно была заперта я.

Это какой-то сон! Это кошмар!

Я сплю и мне просто снится.

Практически повиснув на Адаме, едва переставляя ноги, захожу в дом. Точнее, он меня заводит.

-Увидела? - подходит ко мне гад. - Короче, если хочешь, чтобы он жил, делаешь то, что я скажу... И без фокусов.

11 глава. Навстречу судьбе

И я послушно делаю всё, что мне говорят.

Мне всё вдруг становится как-то безразлично, что ли...

Я надеялась, что Эрик придет и спасет меня, а оказалось, что его самого поймали, ранили и привезли сюда. Ему самому теперь помощь нужна.

И выхода больше нет.

И нас некому теперь спасать.

Потому что папы тоже больше нет.

Значит, это все-таки были люди Эрика? Значит, они пытались вызволить меня отсюда, но потерпели поражение? Значит, я!!!! Сама!!! Своими руками!! Спасала этого подлеца!

Я должна была перерезать ему глотку за то, что он сделал с моей семьёй! А я, слабачка, спасала его мерзкую жизнь.

Значит, я заслужила всё то, что со мной происходит. Значит, я заслужила и то, что будет со мной происходить дальше.

И я сплю, одетая в то самое длинное платье, которое выдала мне его мать. Неудобное, впивающееся по швам в тело. Но вряд ли сейчас мне есть до этого дело!

Я проваливаюсь в сон, как только меня заводят в какую-то комнату и голова касается подушки. Я и здесь предаю свою семью. Потому что МОГУ спать, когда где-то там, возможно, в том самом подвале, сейчас страдает мой брат.

Но и во сне снова и снова я проживаю те же самые мгновения: то мимо меня несут носилки, на которых лежит брат, то я вижу лицо отца во взрывающейся машине. И я плачу, просыпаясь. И засыпая, тоже плачу.

Просыпаюсь я разбитой и больной.

Еще вчера утром весь мир был передо мной! Учеба, подруги, семья - у меня было всё! А сегодня? Что ждет меня сегодня?

В незашторенные окна проникает серый рассвет.

В доме слышны голоса.

Много голосов.

Как будто сюда съехалась по меньшей мере вся восточная родня этого мерзавца.

Долго сижу на кровати, уставившись в стену. Я не знаю, чем себя занять, что делать и вообще, как себя вести! С одной стороны, мне страшно, потому что не далее как вчера во дворе этого дома происходила настоящая перестрелка. Не далее, как вчера, сюда затащили на носилках моего брата.

И только тот факт, что я согласилась сделать все, что потребует этот гад, позволяет мне надеяться на то, что Эрик еще жив.

По мере того, как голоса приближаются к комнате, мне становится всё страшнее и страшнее. По позвоночнику ползет мерзкий холодок, а в животе вкручивается тугая пружина леденящего ужаса.

Господи! Я чувствую, что сейчас что-то будет! Но что, по-

ка не понимаю!

Вскакиваю со своего места, когда дверь распахивается.

В комнату заходят три женщины примерно одного возраста. Во главе - мать чудовища.

Каждая несет в руках одежду.

В глаза бросается белое платье.

В этом доме, в этой ситуации, в руках женщин, одетых в черные одежды, эти белые ткани смотрятся инородно. Как будто яркую бабочку бросили в банку с пауками. И я смотрю на него, не понимая, зачем принесли, кому...

Все трое впиваются в меня взглядами. Мне чудится, что эти взгляды живые - они впиваются в мою кожу, как иголки. Я их ощущаю!

- Неожиданно! Мадина, - говорит одна из женщин. - Она русская? Теперь я понимаю, почему Амир решил заключить брак только по законам России...

- Не болтай, Аида! - обрывает ее мать чудовища. - Амир теперь - главный. Амир сам решает, как будет правильно.

- Девочка, - третья женщина подходит ко мне. - Вставай. Мы поможем тебе собраться.

- Мадина, да у нее вся одежда в крови! - ахает та, которую называли Аидой.

- Сестра, ты же знаешь, ЧТО вчера у нас случилось! Вот девочка Амиру рану и перевязывала. Потому и испачкалась.

Видимо, выгляжу я не очень, потому что Аида неожиданно касается пальцами моего подбородка, заставляя посмотре-

реть на нее.

- С тобой всё в порядке, девочка?

- Не любезничай с ней! - обрывает мать чудовища. - Её брат сделал...

Она переходит на свой язык и долго что-то объясняет. Я улавливаю только имя. Ну, во всяком случае, мне кажется, что это - имя. Они несколько раз говорят "Самира".

К концу разговора я всей кожей ощущаю ненависть уже не только от одной из этих женщин, но и от всех.

- Раздевайся! Иди в душ! - рявкает та, которую называли Матиной. - И побыстрее! Уважаемые люди ждут тебя!

Раздеваться? При них? Здесь?

- Уходите! Я всё сделаю сама! - не выдерживаю я.

- Командовать она еще будет! - третья женщина хватается за локоть и рывком поднимает с кровати. - Встала немедленно!

Я заставляю себя отрешиться от происходящего. Сцепив зубы, заставляю себя думать, будто это делается не со мной! И это какую-то другую девушку раздевают руки злых чужих женщин. И это ее толкают в спину, чтобы шла в душ. И это с ней разговаривают, как с отбросом каким-то. Не со мной.

Всё это происходит не со мной.

И я почти верю тому, в чем убеждаю себя.

И только когда мать чудовища говорит:

- Она готова. Можно идти вниз.

И я смотрю на себя в отражение зеркала.

Я не верю! Не верю, что вот эта девушка в белом платье и с покрытой странным образом головой - это я! Не верю!

- Мадина, зачем ЭТУ наряжать в такое платье? - говорит Аида, враждебно суживая глаза.

Как будто я недостойна странного наряда, закрывающего руки и шею и абсолютно не похожего на обычное свадебное платье.

- Она - будущая жена Амира Темирханова, - имя чудовища его мать произносит так, словно он - какое-то божество. А я слышу его впервые. - Потому должна быть одета, как положено.

- Но она - не мусульманка!

- Так и брак будет светский...

Их слова откладываются в моей памяти, словно книги кладутся на полку. Я невольно запоминаю их. Зачем? Не знаю.

- Пора! - Мадина толкает меня в спину.

И я иду.

Навстречу злой насмешнице судьбе, так исковеркавшей мою жизнь...

12 глава. Сумбур в голове

Это моя свадьба?

Точно моя?

Зачем, для чего, почему сейчас?

Нет, я привык доводить решение до логического итога. Я принял решение. Да, мной руководит месть. Но и здравый смысл тоже. И здравый смысл...

А на все вопросы, которые зачем-то генерирует мозг, можно дать ответы когда-нибудь потом. Что-то вроде этого.

Зачем?

Потому что я так решил.

Для чего?

Чтобы у меня было всё, а у Эрика Москвина ничего.

Почему сейчас?

Потому что мне нужно определить её статус в своём доме. Долго держать её здесь просто так не получится. Её брат показал, что готов сражаться за сестру.

И жаль, что сам успел унести ноги.

А если я женюсь, то... Ну, кто мне предъявит за жену? Да никто.

Мне кажется, я всё также ненавижу Москвиных. Мне кажется, ничего не изменилось.

Но... Когда она в свадебном платье появляется на верхней ступеньке лестницы. И, замерев от страха, смотрит вниз на

мою родню, я... Чувствую что-то иное. То, чего мне ни в коем случае чувствовать нельзя.

Я чувствую восхищение её красотой. Её открытым, чистым лицом, которое не нужно улучшать краской, потому что оно прекрасно и без неё. Её испуганным, но не запуганным, не робким взглядом.

Я смотрю и не верю своим глазам.

Я женюсь?

Я женюсь на ней?

Я даже не чувствую боли в груди. И дело не в мощнейших обезболивающих, которые сделал мне врач. Кажется, дело не только в них.

Дело еще и в том, что... Вокруг смерть, боль и ненависть. Буквально из всех щелей сочится. Дышит в каждой вещи этого дома. Исходит от каждого человека. А она стоит где-то там, надо всем этим. Выше этого всего.

И вместо того, чтобы сбежать, она перевязывала мои раны.

Я хочу её ненавидеть.

Но не могу.

Вот она слабость!

Во все времена женщины становились заложницами отношений. Нужен был мужчинам некий знак объединения и взаимоподдержки, тогда они женили детей. Хотели мужчины решить проблему, склонить на свою сторону кого-то, они отдавали дочь порой во враждебную семью...

Века прошли. Ничего не изменилось.

В большой комнате воцаряется гнетущая тишина, когда она делает первый шаг вниз по лестнице.

-Ведьма, - шепчет тетя Аида матери. - Глянь-ка, на наших мужчин!

Они стоят рядом со мной, потому мне слышно.

И я вслед за матерью зачем-то смотрю на мужчин нашего клана, окруживших стол, за которым разместился сотрудник ЗАГСа.

А они жрут глазами её. Ту которая сейчас станет моей женой!

Мне должно быть безразлично! Потому что она - лишь способ получить своё, способ победить!

Я беру её себе не навсегда.

А мне вот небезразлично.

И я, конечно, объясняю себе свою реакцию просто такой вот чертой характера - да, я собственник, да, делиться не намерен. Даже временной женщиной. И нечего на неё глазеть.

Спускается вниз.

Все в чёрном. В семье траур.

Пир во время чумы.

Она - в белом. С покрытыми по нашим обычаям волосами. Ей идет такой наряд. Он делает еще выразительнее ее лицо, ее глаза.

-Тварь, - шепчет мать. - Ночью из-за неё троих ранили. И Амира самого тоже.

Смотрю матери в глаза, взглядом приказывая прекратить.
И она послушно замолкает.

Девушка сходит по лестнице и останавливается внизу, явно не зная, что делать дальше, куда идти.

Было бы правильно, чтобы её кто-то проводил ко мне.

Но она здесь одна. С её стороны родственников нет.

И я иду к ней сам.

И подаю руку.

Наши глаза встречаются.

Закусывает нижнюю губу, потому что она у неё начинает дрожать. Сжимает так сильно, что она белеет. И вцепляется в мою руку так крепко, словно именно моя ладонь - последнее её спасение.

Она думает, что я держу у себя её брата.

И просто его спасает сейчас.

Впрочем, в любом случае у неё не было выбора.

Так почему тогда она смотрит на меня так, словно я должен ее спасти? Должна смотреть с яростью и ненавистью!

Должна была убить там, в подвале... А она спасала...

Я веду её за руку к столу. Мои родственники, мои бойцы, все расступаются, уступая нам дорогу.

Сотрудник ЗАГСа читает положенную речь. Я не слышу ни слова!

Я сжимаю её руку.

Я не понимаю себя.

Потому что думаю я вовсе не о мести!

Я думаю о том, что мне хочется трогать эти пальцы. Хочется поднести их к глазам, чтобы получше рассмотреть. Мне хочется касаться нежной кожи губами. Мне хочется снять с ее пальца чужое кольцо. Но что теперь это кольцо, если она скоро станет моей по закону?

Мне хочется... Скрыть её от враждебных взглядов, защитить, увести отсюда, спрятать!

И когда я признаюсь перед самим собой в этом неправильном, нелогичном желании, мне вдруг становится легче.

Просто она - беззащитная девушка. Просто я - мужчина. Отец учил защищать.

Стоп, Амир! Что за мысли?

Это просто усталость. Это просто - ранение. Потому такой сумбур в голове.

И я готов согласиться с тем, что сказала о ней моя мать. С тем, что она - ведьма. С тем, что пытается околдовать меня...

-...можете поцеловать невесту, - видимо, по привычке завершает свою речь сотрудник ЗАГСа.

Хотя его предупреждали о том, что это не принято у нас и момент поцелуя на людях нужно опустить. Потому что невеста не должна быть опорочена ничем, даже поцелуем. Но ведь брак у нас светский. А этой невесте, вероятно, нечего сохранять до брачной ночи.

Она поворачивается ко мне.

Я чувствую исходящую от неё волну отторжения. Чувствую, что она не хочет, чтобы я её касался. целовал. Я ей

неприятен. Противен. И, вероятно, если бы не обстоятельства, такая, как она, никогда бы даже не взглянула на такого, как я! Я для неё - низшее существо!

Дергаю её к себе.

У самого от резкого движения темнеет в глазах.

Ярость поднимает во мне такую бурю чувств, что я едва сдерживаю их внутри.

Тянусь к её губам.

Слышу, как ахает за спиной мать.

В последнюю секунду все-таки меняю направление и касаюсь губами её щеки.

Слышу, как шепчет что-то.

-Что? - спрашиваю, склоняясь к ней, чтобы никто не слышал.

-Мерзавец, - говорит мне на ухо. - Ты пожалеешь...

13 глава. Свадьба

Я говорю "да"!

Говорю не Денису, к свадьбе с которым мысленно была готова, кажется, всю жизнь. А незнакомому жестокому человеку! Убийце!

От людей, которые следят за церемонией, прямо-таки исходит злоба. Я знаю, что это они меня так ненавидят! Я это всей кожей чувствую.

А кавказцы мне всегда казались жестокими, грубыми. Эти бороды их, эти злые взгляды, которыми они вечно так смотрят, будто русская девушка для них - ничто, грязь под ногами. И чувство превосходства. О, этого у них не отнять!

Вечно наглые, злобные - встанут кучей возле грохочущей басами машины на стоянке возле университета и ты, даже с охраной, стараешься побыстрее обойти, чтобы не дай Бог, не зацепили.

И вот я - жена одного из них! А я его всего второй раз в жизни вижу. А еще он ранил моего брата и, возможно, его люди мучают Эрика сейчас в том подвале! И отец... Возможно, это тоже его рук дело!

Мужчина, который вёл короткую церемонию предлагает нам поставить свои подписи на документе.

И я послушно расписываюсь.

Хотя мне очень хочется швырнуть ручку и сказать этому

представителю власти, что меня заставляют, что я не хочу замуж, что меня здесь удерживают силой.

Но... Там Эрик. Ради него я должна терпеть.

А потом нам говорят, что нужно целоваться.

Целоваться?

А дальше что?

Брачная ночь?

Я думала, что первый секс у меня будет с ласковым, умным, понятным Денисом, которому когда-то я подарила свой первый поцелуй!

И я не хочу! Не хочу, чтобы это случилось с этим... Гадом! И уж тем более не хочу, чтобы случилось это сегодня! От мысли о том, как это будет, меня буквально передергивает!

И он это видит.

И в глазах как будто огонь загорается. Дьявольский, злой, опасный.

Склоняется ко мне.

Мысленно успокаиваю себя - мы уже целовались, ничего такого уж страшного не случилось тогда. И сейчас всё будет нормально.

Но женщины, стоящие за моей спиной, почему-то пораженно ахают, как будто происходит что-то странное.

И он меняет траекторию движения и просто касается губами моей щеки.

Проезжается по моей коже своей щетиной. Побрился бы хоть - все-таки свадьба у него!

Что там ему от меня надо?

Наследство мое? Отцовское состояние?

Отец даже еще земле не предан. А эти шакалы уже рвут на части то, что он столько лет создавал!

И если кто-то думает, что я так просто всё отдам, как сейчас, по сути, отдала себя саму в руки врага, то он ошибается!

Я найду способ отомстить! Я еще повоюю!

Говорю тихо, чтобы остальные не слышали, но он знал:

-Мерзавец. Ты еще пожалеешь.

-Что? - переспрашивает, видимо, не веря в то, что ему такое могут пообещать.

Практически касаясь своими губами его уха, повторяю:

-Мерзавец, ты еще пожалеешь.

Усмехается.

-Посмотрим, кто из нас пожалеет первым. Пошли.

Ведёт меня в сторону выхода за руку. У дверей поворачивается к людям и говорит:

-Вы знаете, что сейчас у нашей семьи трудные времена. В силу обстоятельств мы не можем отметить, как положено, в ресторане. Но свадьба есть свадьба. Потому прошу вас всех во двор. Мои люди накрыли столы в беседке - будем отмечать!

Я не понимаю таких праздников.

Это - сделка. Причем ради выгоды только одной из сторон!

Что здесь отмечать? Чему радоваться?

И опять же вчера в этом дворе стреляли и убивали друг друга, а сегодня... Как можно здесь же, на месте, где проливалась кровь, праздновать?

Но меня ведут, и я послушно иду.

В большой беседке, действительно, накрыты столы.

Мы проходим во главу стола, где стоит стул с высокой спинкой. По пути Гад приказывая одному из своих помощников принести второй такой же.

-Сынок, - его мать отзывает в сторону. Так как он меня не отпускает, невольно иду вслед и все слышу. - Молодой жене не положено на свадьбе сидеть. Зачем ей стул?

-Мама, у нас разве свадьба? Это - договор, сделка. Все видели, что свадьбы по нашим законам не было!

-Здорово! - вступаю в разговор. - Значит, я могу не опасаться, что ты придешь ночью требовать выполнения супружеского долга?

-Паршивка! - шипит Мадина. - Она лезет в наш разговор!

-Мама, давай прекратим это, - он переходит на свой язык и что-то там объясняет ей.

А я делаю выводы.

Так.

Я даже немного воодушевляюсь.

Мне такие условия подходят.

Завтра мой "муж" отправится по своим бандитским делам, а я найду Эрика! А дальше... посмотрим!

Гости рассаживаются за стол.

Сажусь и я. На принесенный стул во главе.

На меня смотрят. Все также. Только теперь еще и с презрением. Как будто я что-то там в их правилах нарушила. Но мне, если честно, глубоко плевать!

Я сюда не просилась!

На столе много мяса в разных его видах, овощи, зелень, свежий хлеб, фрукты.

Есть хочется жутко! Но я все никак не могу решиться взять что-то у всех на глазах.

Гад возвращается и садится рядом.

Встает какой-то мужчина и начинает, по всей видимости, толкать тост. Только бокал в руки не берёт. Что-то говорит на их языке.

-Насчет брачной ночи, - шепчет мне бандит, глядя исключительно на тостующего. - Она будет, даже если мне придется сдохнуть из-за раны...

14 глава

Нам бесконечно желают счастья. Хотя отлично понимают, что это невозможно. Благополучия. Хотя и так ясно, что объединив мои и её активы, благополучие обеспечивается автоматически.

Много детей... Это лишнее.

Хотя... Я не против детей, как таковых. Но не уверен, что они нужны мне именно от этой женщины.

А я очень ярко чувствую её рядом.

А еще ощущаю себя зверем в брачный период, который нарезает круги рядом с самкой, но вынужден выжидать, не имея возможности наброситься прямо сейчас.

И мой зверь, даже раненый, хочет именно эту самку.

Что там у нас? Договор? Да пофиг! Я так хочу. И, главное, могу. И от того, что скоро возможность наброситься появится, что-то дрожит от нетерпения внутри.

Молодая жена на нашей свадьбе должна стоять рядом с мужем. Это если соблюдать традиции. У нас обычно соблюдают.

Но... Если она будет стоять, то на неё будут пялиться! И что-то во мне не может этого позволить! Я, как тот зверь, реву и скалюсь внутри, ревниво отслеживая взгляды тех мужчин, которые помоложе.

Она не притрагивается ни к чему на столе.

По традиции женщина и не должна есть за одним столом с мужчиной. Но она-то наших традиций не знает. Я подозреваю, что она брезгует. И мне хочется в глубине души спросить с неё за это!

Женщины едят за отдельным столом, чуть дальше, в другом конце беседки. Оттуда до меня то и дело доносятся обрывки разговоров. Спрашивают о самочувствии Самиры, вспоминают отца и постоянно говорят гадости о... моей жене.

Мужчины, разомлевшие от угощения, а некоторые и от вина (многие не позволяют себе, но в России всё равно большинство не соблюдает традиции так ревностно, как на Родине), переговариваются, рассортировавшись на группы.

Она сидит с отсутствующим видом.

Смотрит прямо перед собой, как статуя.

Спина идеально прямая. Подбородок вздернут вверх.

Только длинные ресницы иногда смыкаются, скрывая грустный взгляд.

Что было бы, если бы эта свадьба была настоящей?

Да, это невозможно!

Но что было бы, если бы вдруг так случилось?

Снова кошусь на неё сбоку. И позволяю себе представить невозможное.

Я бы мог её касаться. Безо всякой цели.

Мне хочется касаться. Так сильно, что руки зудят.

Хотя бы взять за руку, как тогда, когда я вёл её к столу

для росписи.

Но это тоже невозможно.

И не потому, что здесь люди или она не позволит. Потому что я должен помнить, кто она. Всегда. И ещё помнить, для чего она здесь.

Всё.

Больше никаких эмоций.

Двигаться больно. Но, стараясь не кривиться, я кладу в тарелку перед ней кусок мяса.

-Ешь.

-Не хочу.

-Ну, смотри сама. Возможности поесть до вечера может уже и не быть.

-Почему это?

-Когда гости разойдутся, мы поедем на разговор к следователю по поводу гибели твоего отца.

На мгновение она словно зависает, теряясь взглядом в пространстве. Потом, моргнув, медленно поворачивается ко мне. Смотрит прямо в глаза.

И я невольно читаю в её взгляде всё то, что знать не желаю! То, что ей очень больно, то, что она страдает, то, что она - живая, обычная, такая же дочь своего отца, как и моя Самира - дочь нашего!

Ехать в полицию - большой риск. Потому что моя молодая жена может заявить там, что я удерживаю ее силой, что заставил ее выйти за себя замуж.

И, возможно, она этого не понимает. Только ей сейчас безопаснее со мной. На Москвиных кто-то объявил охоту. И она может стать целью. Я сумею ее защитить.

О том, что Злата Москвина теперь - моя жена, уже знают все, кто должен это знать. И в полиции тоже. А потому мы должны поехать.

Для меня это - способ заявить свои права и объявить о своих намерениях. Для неё...

-Это не ты убил его? - шепчет дрожащими губами. С ресниц срываются капельки и слезы бегут по щекам вниз.

Не знаю уж, как она дошла именно до такой мысли, что её натолкнуло на это. Глупо было бы считать, что если Москвина убили по моему приказу, то я не пойду на допрос. Или не повезу на допрос её.

Но если даже она сделала именно такие выводы. Пусть будет так.

Говорю правду:

-Нет. Я его не убивал.

Вскидывает голову, глядя в мои глаза, как будто пытается вызнать, не вру ли я.

-Ни я, ни мои люди, - зачем-то добавляю ещё.

-Ты поедешь со мной?

-Да.

-А Эрик?

Она думает, что брат здесь. Но Эрик оказался трусом. Людей он послал для нападения на мой дом, а сам отсиживался

в машине. И когда понял, что дело для них плохо, просто свалил, не пытаясь решить вопрос о раненых.

Раненые в подвале. Один тяжёлый - в больнице. Я думаю, как с ними быть дальше. Но я ж не монстр какой-то, чтобы убивать всех направо и налево!

-Я думаю, что он там тоже будет.

Долго думает.

И я ловлю себя на странной мысли, что меня так и подмывает сейчас пошутить над этим! Сказать что-то вроде "Медленно соображаешь" или "Давай уже, думай быстрее!" Но шутить - это вообще не про нашу ситуацию.

Когда гости начинают вставать, чтобы откланяться и уехать, и я встаю, чтобы проводить, неожиданно хватает меня за здоровую руку.

Голова моя от лекарств и боли, как в тумане, до сих пор. Но даже в таком, полукамаutoзном состоянии её прикосновение поднимает бурю во мне! Я не описать, ни понять эти чувства не могу! Просто что-то тяжело и остро обрывается в районе сердца, заставляя его бешено биться о ребра.

-Амир, тот раненый, это был не Эрик?!

Конечно нет.

Но похож немного. А в темноте похож на все сто. Даже ты ошиблась.

Зато на свадьбе вела себя примерно.

Видимо, ответ она читает по моим глазам.

-Лжец! - отшвыривает руку. Обнимает себя за плечи. - Ты

еще пожалеешь!

-Пока я только обещания от тебя слышу, - усмехаюсь я. -
Сейчас у нас свадебное фото на память и уезжаем...

15 глава

Что заставит меня вернуться в его дом? Уж точно не супружеский долг перед мужем!

Есть ли такая сила, которая способна меня сюда вернуть из полиции?

Думаю, что нет!

Вот интересно, он понимает вообще, что я первым делом скажу там, в отделе?

Наверное, не понимает, раз везёт меня туда.

Стараюсь не смотреть в его сторону. Потому что уверена, в моих глазах сейчас прямо-таки горит предвкушение победы над ним.

Сейчас, гад, сейчас ты узнаешь, что иногда за свои поступки приходится отвечать даже перед законом!

А я всё расскажу! И то, что меня наглым образом вчера выкрали его люди. И то, что в доме этого мерзавца вечером была настоящая перестрелка, в результате которой несколько человек получили ранения.

И, конечно, я скажу.... Обязательно скажу! Что меня насильно заставили выйти за него замуж!

Ох, как он тогда запляшет!

Кровожадные мечты уносят меня в дальние дали - туда, где его, растерянного и удивленного, ведут под белы ручки прямоиком за решетку! А я стою и хохочу!

Переодеваться мне приходится снова в длинное, закрытое платье.

Мне кажется, я уже ненавижу их!

Хотя... Стоит признать, строгий крой очень мне идет. Но я все равно мысленно клянусь себе самой, что ни за что и никогда в своей жизни больше такое не надену.

А сейчас, когда я практически еду на свободу, я готова нарядиться и в мешок, лишь бы только побыстрее.

Он тоже переодевается.

И тут тоже присутствует некая несправедливость. Мне нужно, значит, это жуткое платье носить, а он одет в простой спортивный костюм! Ему, значит, можно и так!

Да, конечно, он ранен, но раз уж женщина мучается, то почему бы и мужчине за компанию не напялить на себя что-нибудь этакое, типа наряда, в котором шейхи ходят - длинное такое платье и чалму на голову... Было бы справедливо.

Нас везёт водитель. Сзади пристраивается ещё одна машина, полная вооружённых мужчин. У одного (я видела, когда они садились) в руках было что-то похожее на маленький автомат!

Моему фиктивному мужу, а попросту гаду, явно с каждой минутой становится хуже. За руль он точно не в состоянии сесть сейчас.

Он то бледнеет, то краснеет, то покрывается потом.

Так ему и надо.

Кривясь и сжимая челюсти, достаёт из кармана штанов

блистер с таблетками.

-Амир Алиханович, дать вам воды? - участливо спрашивает водитель.

-Да, Аман, давай.

Тот подает воду.

Когда гад её берёт, то роняет на пол упаковку таблеток.

И я, не задумываясь, просто по инерции зачем-то наклоняюсь и поднимаю её!

Дура! Ненормальная! Пусть бы сам корячился!

Но подняла уже. Что ж теперь?

Подаю ему.

Вместо того, чтобы просто взять у меня лекарство, он зачем-то обхватывает своей ладонью мою руку.

Удивленно вскидываю на него взгляд.

Что это значит...

Смотрю ему в глаза.

У него они очень выразительные - легко читается в их глубине, что ему больно, что он... благодарен за поднятое лекарство, что... он не злой.

И глаза у него кажутся мне такими красивыми - цвета расплавленного шоколада... И ресницы у него длинные, черные и густые, как будто тушью подкрашены...

Господи! Что за мысли у меня такие дурацкие?

И к чему мне придумывать о нём всё это? Очень скоро меня от него, наконец, освободят!

Мысли в голове молниеносно сменяют друг друга, а я всё

смотрю и смотрю, как завороженная.

И он зачем-то смотрит. Как будто наши глаза привязали друг к другу невидимыми нитями.

Но я, конечно, прихожу в себя!

И происходит это в тот момент, когда я ощущаю своей рукой, как он пальцами гладит тыльную сторону моей ладони!

Отдергиваю руку! Отвожу глаза. Вжимаюсь посильнее в дверь со своей стороны, что больше ни за что, ни при каких обстоятельствах его не касаться.

И до самого здания полиции напряженно раздумываю, что это, блин, такое было, вообще!

Ладно, он пялился - они все смотрят! Но я-то с какой стати!!!

Волнение подступает, заставляя дрожать руки. Я едва дышу, когда мы поднимаемся по ступенькам в здание полиции.

Конечно, сразу не рискую объявить то, что задумала - люди снуют туда-сюда, не обращая на нас внимания.

На входе у турникета появляется мужчина, явно восточной внешности и в форме:

-Амир Алиханович, проходите, Дагоев вас уже ждет.

-Третий? - спрашивает гад.

-Да, как обычно, - учтиво кивает ему полицейский.

Такое обращение! Явно же знакомы. Остаётся надеяться, что здесь не все менты у гада прикормлены.

Но надежда тает в тот момент, когда нам навстречу чуть ли не бегом несется маленький шупленький кавказец в фор-

ме.

-Амир, дорогой, жду, очень жду! Прими мои соболезнования по поводу отца. Такое горе, такое горе, - они жмут друг другу руки и заходят, пропустив меня первой, в кабинет с номером три.

-Ты прости, что пришлось в такой день вызвать. Но сам понимаешь, работа.

-Да ничего. Я надеюсь, не надолго?

-Буквально пара вопросов к твоей молодой жене и я вас отпущу. Присаживайтесь, - показывает мне на стул.

Дружба дружбой, а работа работой - так решаю я и заявляю, остановившись посередине кабинета:

-Этот человек силой увез меня вчера! Выкрал, можно сказать! И также силой заставил выйти за него замуж. А еще вчера во дворе его дома была перестрелка и, возможно, совершилось убийство!

Полицейский и гад переглядываются и... Начинают смеяться!

-Что смешного?! Я хочу написать заявление!

-Я понимаю, Злата Михайловна, что у вас сейчас горе, - успокаивается мент, показывая мне на стул. - Вы присядьте, мы всё сейчас обсудим...

Делать нечего, приходится сесть...

У него здесь, похоже все менты куплены.

16 глава. В полиции

И вроде бы следователь спрашивает всё по делу - о последних днях отца, о чем мы разговаривали с ним в последнее утро, не знаю ли я чего-либо о его делах и т.д.

Но все это как-то... формально, что ли!

Понять не могу, почему дело моего отца ведёт знакомый Амира? Странное совпадение какое-то? Неужели специально подстроено гадом? Или я преувеличиваю всесильность своего "мужа"?

-Почему вы не спрашиваете о возможных врагах отца?

-А вы разве можете назвать имена? - удивляется следователь.

-Да. И попрошу непременно записать сейчас мои слова. Иначе я ничего подписывать не буду!

-Хорошо, - я замечаю, что прежде чем ответить мне, следователь бросает короткий вопросительный взгляд на гада. И тот едва заметно кивает ему! Это уже совсем ни в какие ворота!

-Зарплату вам тоже он платит? - не выдерживаю, не прокомментирав.

-Ты полегче, девочка, - кривится мент, снова глядя на гада. - Я ведь могу за оскорбление полицейского при исполнении и привлечь.

-Это - жена моя, - холодно кивает в мою сторону мерзавец,

как бы давая понять, что за решетку он меня не отдаст. Разве что если только сам посадит...

-Извини, Амир Алиханович...

Неожиданно! Он сейчас заступился за меня, что ли? Ой, не могу! Смешно! Надеется, что раз он за меня заступился, то я промолчу? Или что?

-Так вот пишите! Вы спрашиваете, были ли враги у моего отца, Михаила Москвина? Я отвечаю. Да, были. Знаю одно имя. Амир Темирханов. Почему вы не пишите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.